

Михаил Александрович Энгельгардт

Чарльз Лайель. Его жизнь и научная деятельность

Жизнь замечательных людей

Михаил Энгельгардт

**Чарльз Лайель. Его жизнь
и научная деятельность**

«Public Domain»

Энгельгардт М. А.

Чарльз Лайель. Его жизнь и научная деятельность /
М. А. Энгельгардт — «Public Domain», — (Жизнь замечательных
людей)

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад отдельной книгой в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф. Ф. Павленковым (1839—1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют по сей день информационную и энергетико-психологическую ценность. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы — профессия.

Содержание

Глава I. Детство. Годы учебы	6
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Михаил Александрович Энгельгардт Чарльз Лайель. Его жизнь и научная деятельность

Биографический очерк М. А. Энгельгардта

С портретом Лайеля, гравированным в Петербурге К. Адтом

Глава I. Детство. Годы учебы

Отец Лайеля. – Первые впечатления. – Любовь к природе. – Школа. – Энтомология. – Гимназия и ее вредное влияние. – Нравы школьников. Драки. – Классицизм. – Воспоминание Лайеля о годах детства.

Чарльз Лайель родился в богатой семье и рос в завидных условиях: в материальном довольстве, в атмосфере науки и литературы. Впрочем, и его дорога была не без ухабов, как увидим ниже; но в общем это все же была гладкая, торная дорога. Отец его, человек любознательный и большой эстет, водил хлеб-соль с литераторами и учеными, занимался не без успеха ботаникой, переводил Данте и напечатал несколько статей о великом итальянском поэте. Небо и плодovitость англосаксонской расы наградили его многочисленным семейством, состоявшим из трех сыновей и семи дочерей. Первенец, Чарльз, будущий геолог, родился 14 ноября 1797 года в графстве Форфар, в Шотландии, в отцовском имении Киннорди. Вскоре затем отец его арендовал имение Бартлей-Лодж в Нью-Форесте, в Южной Англии, куда и переселился со всей семьей.

На четвертом году жизни Лайель выучился читать: это его первое воспоминание; а на восьмом поступил в школу д-ра Дэвиса в городе Рингвуд – "...великое событие в жизни мальчика! Совершенно новый мир и довольно грубый для того, кто был воспитан в холе и неге!» (Лайель. Автобиография).

Первые впечатления ребенка могли возбудить охоту скорее к бранным, чем к научным подвигам. В то время Европа точно в котле кипела; Наполеон приближался к зениту своей славы, колотил европейских монархов, раздавал и отнимал короны, перетасовывал государства, ослеплял европейское общество блеском своих побед, и напустил такого дурмана, что вся эта эпоха кажется нам какой-то феерией, – грандиозной или бессмысленной, как на чей вкус – но трескучей, с сильными эффектами, с горами трупов и реками крови. В Англии ожидали нашествия галлов, формировались отряды волонтеров; Лайель-отец воспылал воинским жаром, оставил свои гербарии и принял начальство над отрядом, расположившимся в Рингвуде, на радость школьников. Известие о победе Нельсона при Трафальгаре праздновалось с великой помпой: на холмах вокруг Рингвуда зажгли костры; город осветился иллюминацией; народ толпился на улицах, распевая «Царствуй, Британия!»; волонтеры, исполненные патриотизма и водки, подожгли дом какого-то обывателя, приняв его, вероятно, за французскую крепость, – словом, было очень весело. «Я, помнится, принимал живое участие и в общей радости по случаю великой победы, и в скорби по поводу кончины Нельсона (получившего смертельную рану в Трафальгарской битве)», – рассказывает Лайель в своей автобиографии.

Эти патриотические чувства не оставили глубокого следа в душе ребенка, найдя противовес в других впечатлениях. С раннего детства он полюбил природу – бессознательной, инстинктивной любовью, создавшей из него натуралиста и определившей его карьеру задолго до того, как он сам дал себе отчет в своих стремлениях. Лето он проводил в деревне, на лугах с косарями или в парке, окружавшем усадьбу. «Тут было множество прекрасных старых дубов, которые владелец имения срубал иногда на продажу, за что я всегда злился на него, так как знал наперечет все деревья, большие и маленькие, и очень огорчался, если какого-нибудь не доставало. Каждая группа и каждое отдельное дерево получили от меня особое название. Одна называлась „Рингвуд“, другая – „Солсбери“, третья – „Лондон“ или „Париж“ и так далее. Отдельным деревьям я давал имена цветов; так, одно называлось „Герань“. Мало-помалу эти названия были приняты и другими членами семьи».

Школьные занятия продвигались довольно сносно, хотя отнюдь не блистательно. В Рингвуде Лайель обучался чтению, письму и грамматике, а на девятом году был переведен в школу доктора Радклиффа в Солсбери – модную школу, где сыновья местных тузов обуча-

лись латыни. Доктор Радклифф был хороший латинист, строгий, но справедливый педагог и имел несчастье потерять одну за другой четырех жен, за что и получил от своих непочтительных питомцев прозвище «Синяя Борода». Лайель сохранил живое воспоминание о его трости, которая разгуливала по спинам школьников, когда «Синяя Борода» настигал их врасплох во время драки. Много и других подобных воспоминаний сохранилось у него из этого периода: о линейке французского учителя, от которой доставалось преимущественно пальцам, но также и спинам школьников; о битвах подушками в дортуаре; о каверзах, учинявшихся над нелюбимыми учителями, и прочее, и прочее, но мы оставим в стороне эти тревоги и радости школьного бытия, потому что, различаясь в деталях и форме, они носят существенно одинаковый характер во всех странах и у всех народов, представляя лишь отдельные эпизоды великой эпопеи – войны школьников с учителями, еще не нашедшей своего Гомера.

Школа доктора Радклиффа находилась в центре довольно большого города, тогда как прежняя помещалась на окраине маленького захолустного городишки. Вместо обширного луга и реки, в которой можно было купаться, здесь имелся при школе тесный, обнесенный стеною двор; гулять водили раза три в неделю, попарно, по душным и пыльным улицам. «В сравнении с прежней эта школа казалась тюрьмою, в особенности мне, привыкшему к привольной жизни в Нью-Форесте», – вспоминает Лайель.

Латинская грамматика пришлась Лайелю решительно не по вкусу, и в течение двух лет, проведенных в Солсбери, он учился довольно плохо, тем более что в школе доктора Радклиффа не применялось никаких мер, способных возбудить соревнование, а Лайеля, по его собственному сознанию, только самолюбие могло принудить к ученью. «Я всегда чувствовал себя несчастным, когда приходилось сидеть сложа руки, – говорит он, – и в то же время питал отвращение к работе и не мог за нее приняться без принуждения».

Характеристика, как мы сейчас увидим, не совсем справедливая. Живая, любознательная натура мальчика томилась бездействием, но школьная мудрость представляла слишком сухую, непривлекательную пищу. Когда же, на десятом году жизни, он вследствие болезни был взят из школы в деревню, для его любознательности открылось широкое поле, на котором он действовал без всяких понуканий и поощрений. Он пристрастился к собиранию насекомых и определял их по атласу, оказавшемуся в отцовской библиотеке. Занятие это, знакомое большинству детей, но имеющее обыкновенно характер баловства и забавы, превратилось у него в настоящую страсть и сыграло в его воспитании гораздо более благотворную роль, чем латинская грамматика и трость «Синей Бороды». Оно развивало в нем наблюдательность, память, привычку сравнивать и классифицировать, столь важную для натуралиста вообще и для геолога в особенности. В два-три года он сделался истинным натуралистом, сам того не подозревая. «Я мало знал о развитии, еще меньше о внутренней структуре насекомых, но научился различать по внешним признакам *несколько сот видов*, часто очень мелких, и до сих пор (в 1832 году) помню почти все, так что мог бы отобрать английских бабочек и молей из иностранной коллекции. Не имея пособий, я давал некоторым группам свои имена и впоследствии убедился, что *моя классификация соответствует естественным порядкам и семействам*».

Он собирал гусениц и куколки и следил за их метаморфозами, ознакомился мало-помалу с жизнью насекомых, убедился, что каждый вид появляется в известное время; иные только однажды, иные дважды в год, иные днем, иные вечером или в различные часы ночи. В особенности заинтересовали его нравы и образ жизни водяных насекомых. «Я просиживал, – говорит он, – целыми утрами на берегу пруда, наблюдая за странными привычками водяных насекомых, кормил их мухами и, если мог, ловил. Я убедился, что каждый пруд населен водяными жуками различной формы и величины и с величайшим интересом следил за их быстрыми движениями, бросал им мух и бабочек и наблюдал, как они поднимаются за добычей, причем некоторые бросают ее при приближении других. Я ловил длинных, похожих на пауков, букашек, быстро скользящих по воде; поплавок, описывающих в воде фигуру 8, гладышей, плава-

ющих на спине, и других и держал их в тазу с водой, в моей спальне, к великому огорчению служанок – в особенности, если вода не отличалась чистотой».

Занятия эти, как водится, не встречали одобрения со стороны окружающих. Напротив, старшие покачивали головами при виде такого баловства. Мы не знаем, как относились к нему отец и мать, – он ничего не говорит об этом в своих воспоминаниях, – но вообще родные и знакомые не одобряли мальчика. «Вместо сочувствия я встречал только насмешки или упреки – зачем мучаю насекомых? Разве им не больно? И на что они мне?.. Это пренебрежительное отношение к моим занятиям имело большое влияние на мой характер, так как я был очень чувствителен к мнению других. И хотя я никогда не соглашался с ними и старался уверить себя, что взрослые слишком глупы, чтобы оценить интерес подобных занятий, но, тем не менее, всячески старался скрывать их, точно стыдился своих поступков» (Автобиография).

Поощрением ему служили книги, имевшиеся в отцовской библиотеке, – в особенности специальные энтомологические трактаты. Не то чтобы он читал их, – нет, латинские описания, рогатые термины, двухэтажные названия внушали ему священный ужас, и, определяя насекомых, он руководствовался главным образом рисунками. Но его очень утешала и ободряла мысль, что вот, мол, какие ученые и умные люди возились с букашками и не считали этого занятия баловством.

Нашелся, однако, и среди взрослых помощник и сотрудник юному энтомологу – в лице некоего Джона Девиниша, отцовского камердинера, который помогал своему барину в ботанических занятиях и приобрел некоторые навыки в коллекционировании. «С ним я гулял по Нью-Форесту, когда ему можно было отлучиться из дома, что, к сожалению, случалось редко; и очень дорожил его обществом: он был знаком с обыкновенными местными видами и мог оценить сокровища, которые я приносил ему на показ».

Между тем, школьное обучение продолжалось. Пробыв два года у доктора Радклиффа, Лайель был переведен в школу доктора Бэли в Мидгерсте. Это училище резко отличалось от предыдущих – не имело такого семейного, домашнего характера, принадлежало к обычному типу английских школ, в которых наряду с латинской грамматикой видное место отводилось (да, кажется, и ныне отводится) физическим упражнениям, то есть попросту кулачной расправе, у Лайеля оно оставило самые неприятные воспоминания.

«Что бы ни говорили, что бы ни пели, – писал он впоследствии, – о прелести школьных дней, – я уверен, что никто не захочет к ним вернуться и в глубине души признает, что последующие годы были куда счастливее».

Жестокие нравы школьников тем более угнетали его, что дома он видел только ласку и заботливость, характера был кроткого и миролюбивого и не обладал дюжими кулаками. То, что ему пришлось испытать в школе Радклиффа «Синей Бороды», оказалось игрушкой в сравнении со спартанскими обычаями нового училища.

«Один из старших учеников, – говорит он, – принял меня под свое покровительство на полгода, а там заявил, что я достаточно долго пробыл у них, чтобы справляться самому. Лишь только узнали об этом, стали меня дразнить и преследовать. Почти каждому мальчику приходится вступать в драку прежде, чем определится его положение, то есть выяснится, кого он должен бояться и кто должен бояться его. Немалых трудов стоило мне защищать свою независимость, и к половине второго полугодия многие решили, что я вовсе не способен к сопротивлению. Наконец я убедился, что не злиться и не драться – значит терпеть гораздо больше, чем от драки, но это было только отвлеченное рассуждение, и я никак не мог привыкнуть давать сдачи».

Однако какой-то мальчишка вывел-таки его из терпения и между ними состоялся поединок по всем правилам. «Поединок тянулся два дня по 5—6 часов каждый день, так как мы были приблизительно равны силами: мой противник несколько слабее, но зато обучался боксу. У него оказались фонари под обоими глазами; правая сторона лица вздулась и голова была

покрыта шишками спустя неделю после битвы. Я тоже был жестоко избит, но ран на лице не было, и хотя мне, как и ему, пришлось лечь в постель, но мои друзья советовали мне не показывать вида, что я страдаю, потому что „этак меня будут больше бояться“. Я жестоко страдал, выдерживая характер в течение недели. Помню эту пытку: каждая кость ныла, все тело было покрыто синими и черными пятнами и так одеревенело, что когда мы отправились „на горы“ в воскресенье, я должен был опираться на руку товарища... Зато с этих пор каждый, кто боялся Тильта (противник Лайеля), стал бояться и меня, и таким образом я избавился от многих обид».

В своей автобиографии он упоминает о еще более свирепой битве между двумя мальчиками, длившейся три дня. «Остервенение, с которым они продолжали драться уже после того, как побледили от потери крови, почернели от синяков и едва держались на ногах от слабости, – показалось мне варварским и зверским, но товарищи были в восторге от такого великолепного турнира».

Что касается собственно ученья, то здесь оно пошло гораздо успешнее, чем в предыдущей школе. Здесь всячески старались возбуждать соревнование учеников отличиями и наградами, особенно в старших классах. Получать награды было лестно для самолюбия Лайеля и полезно с практической точки зрения: ученик, оказавший «отличные успехи», попадал в «старшие» (senior) и избавлялся от многих шипов школьной жизни. Ударить «старшего» считалось преступлением, все равно что солдату ударить офицера. Таким образом, слабосильный, но прилежный или способный ученик мог избавиться от гонений со стороны дюжих оболтусов, добившись звания «senior». Эти приманки заставили Лайеля приналежать к книжке; и в течение своего пребывания в школе доктора Бэли он пожал много лавров за отличные успехи в английской, латинской и греческой грамматике и словесности. Нелегко, однако, давались ему эти успехи: «Хотя я и преодолел свое отвращение к труду и принуждал себя быть внимательным на уроках, но это стоило мне больших усилий и я мог сосредоточивать свое внимание на предмете лишь до тех пор, пока он находился у меня перед глазами».

А между тем мог же он проводить целые часы, изучая нравы водяных насекомых! Не утомлялось его внимание при определении бабочек и жуков, хотя напрягать его приходилось изрядно, чтобы запомнить сотни видов и распределить их в естественные группы!

Но это прилежание, внимание, память, охота не находили себе приложения в школе. Она старалась во что бы то ни стало сбить его с пути, по которому он мог и должен был идти, и направить на путь, по которому ему идти не следовало.

Портной шьет платье по человеку, а педагог человека обрабатывает по платью, которое ему, педагогу, кажется наиболее удобным и приличным. Для большинства людей эта система оказывается вполне пригодной: они влезают в платье, сшитое по средней же мерке, и свыкаются с ним легко и быстро. Но личность оригинальная, выдающаяся, чувствует себя скверно: и сама задыхается, и платье рвется, и если до поры до времени ей приходится носить это облачение, то кончится все-таки тем, что она сбросит его и наденет новое, сшитое ею самой по собственному вкусу и усмотрению. Так было и с Лайелем. Школа ухитрилась напялить на него свой костюм, мало того – он смирился с ним и сам воображал одно время, что будет носить его вечно. Поощряемый своими успехами в древней и новой словесности, он решил, что это – его настоящее призвание и что со временем ему суждено отличиться на поприще изящной литературы. Он ошибся и впоследствии осознал свою ошибку; призвание его определилось не в школе доктора Бэли, а «на лоне природы», в дубравах Нью-Фореста, и не имело ничего общего с классиками. Впрочем, у него было поэтическое чувство, вкус, любовь к литературе. Он охотно читал Мильтона, Грея, Томсона; даже Овидий и Вергилий доставляли ему наслаждение. В школе доктора Бэли большое значение придавалось риторике и пиитике: ученики писали сочинения на английском и латинском языках, прозой и стихами, на заданные темы. Лайель особенно отличался на этом поприще, но даже и тут его оригинальность не ладилась со

школьной рутиной. Однажды он написал стихи размером баллад Вальтера Скотта, которыми в то время зачитывался. Директор был поражен сравнительной оригинальностью и поэтичностью стихотворения и присудил награду Лайелю, но не преминул заявить, что это не должно служить прецедентом на будущее время и что стихи следует писать классическим десятисложным рифмованным размером, а не восьмистопным, неправильным, да еще подразделяя их на строфы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.